Гениальность этого хода заключалась в том, что своим выходом из империи он попросту поставил под вопрос само её существование – как-никак, Империя, всё же являлась целостным государством, по крайней мере, на бумаге. Выход из неё трети территорий (примерно 1,5 миллиона квадратных километров всего, из которых примерно 0,5 миллиона приходились на Эйсен и Далмацию), конечно же, вызвал острейший кризис имперской власти.

На данный момент она не устраивала вообще всех. Папу Римского и католический клир Империи за неспособность и нежелание императоров приструнить «еретиков», князей Империи, и особенно курфюрстов – за самосуд и тиранию, а также промедление с легитимацией проведённого ими передела земли. Ну и, наконец, император взбесил вольные города и сословие состоятельных горожан своим эдиктом о таможенных границах внутри Империи, которым хотел ублажить недовольных князей, легитимизировав их самоуправство в делах таможни.

Однако, разумеется, сделал крупную ошибку, страшно обидев своих главных союзников (у императора и вольных городов одна и та же головная боль – феодалы, так что это естественный союз) и показав не щедрость, но слабость жадным хищникам – тем самым, что только что с остервенением разорвали на куски другого своего противника, католический клир.

Естественно, это было ужасным просчётом. Впрочем, пожалуй, Империя, имеющая в своей основе просто мощнейший запас прочности, могла бы пережить даже это, если бы не следующий шаг императора – его решение примкнуть к католическому клиру (в обмен на скорейшее официальное признание за ним императорского титула и ряд других уступок) оказалось роковым.

Явно недооценив масштабы Реформации и скорость её распространения, император совершил ужаснейшую ошибку, пытаясь усесться сразу на двух стульях. Впрочем, всё, что у него получилось – это оказаться меж двух огней, сталкиваясь с непониманием и гневом со стороны горожан и князей, а также недовольством клира, явно желающего чего-то большего, чем ряд жалких полумер.

Разумеется, он и здесь попытался выправить ситуацию, однако его подвело здоровье – вымотанный как морально, так и физически политическими неурядицами и суицидом отца, он слёг в кровать, де-факто пустив ситуацию на самотёк. Его жена попыталась временно взять на себя часть его функций, но тщетно – при императорском дворе уже началась грызня за титул регента и влияние на малолетнего сына императора, парализовавшая работу центральной власти и сделавшая любые её попытки не только бесплодными, но и катастрофическими.

Тем временем, трёхсторонний конфликт в Империи начинал быстро набирать обороты. Феодалы, ощутившие вкус права сильного, решили посягнуть и на города, в том числе на вольные, бывшие под защитой императора. Ими был устроен ряд разорительных рейдов, приведших к массовому исходу населения из долины Рейна в другие, преимущественно придунайские регионы Империи.

Впрочем, города всё же устояли и, собрав свои немногочисленные, но хорошо вооружённые и отлично замотивированные ополчения, устроив во многих близлежащих феодах, в том числе и

не принявших участия в грабежах, кровавую баню. Разумеется, вслед за этим последовала дальнейшая эскалация ряда изначально сугубо локальных конфликтов, постепенно слившихся в один.

Тем временем, о своих правах также решили заявить крестьяне, недовольные своим, по сути, бесправным положением. По всей Империи, начав с затронутых гражданской войной районов и лишь затем уже перекинувшись на спокойные, разразились крестьянские бунты, кровавые и жестокие.

Воспользовавшись слабостью имперской власти и хаосом в Империи, активизировались давние соперники Империи. Так, например, Франция начала очередной виток войн во Фландрии, пытаясь снова утвердить там свою власть, в стране, имеющей тесные экономические связи с Англией, и всё это во время Эдвардианской войны и конфликта за бретонское наследство.

Да-да, идёт самое начало Столетней войны (хотя, стоит признать, что сам конфликт между Англией и Францией смешон, учитывая колоссальную разницу в их силах), но ведь для неё нужны деньги, а у кого их брать, как не у богатых городов промышленно развитой Фландрии, верно? Полагаю, этой логикой воспользовался король Франции Филипп VI де Валуа. Казалось бы, опытный политик, а такое творит... ну, бывает.

Впрочем, конфликт во Фландрии – лишь прелюдия другого, более масштабного и глубокого конфликта, имеющего фундаментальный характер, связанный с природой феодализма и глобальными социально-экономическими процессами, имевшими место в Средневековой Европе.

Разумеется, их рассмотрение будет отложено до лучших времён, когда Идиот будет уверен в том, что читатели после осознания их полной неспособности как-либо повлиять на исторический процесс, вне зависимости от величины их фигуры, не захотят преждевременно окончить своё путешествие по этому жестокому миру.

Поэтому, чтобы отвлечься от пагубных вопросов и мыслей, мы затронем другой конфликт, также имеющий фундаментальные экономические и политические причины, но хотя бы близкий нам.

Этот конфликт – война между Вацлавом II, королём Польши, Чехии и Венгрии, и Фридрихом, королём Эйсена и герцогом Далмации. Разумеется, первый, даже сконцентрировав в своих руках ресурсы сразу трёх корон и имея в своих союзниках великое княжество Литовское, не был равен Фридриху.

Настоящее убожество, абсолютная бездарность что в военном, что в управленческом ремесле, проиграла Фридриху все битвы и, разумеется, войну. Войско Фридриха в трёх последующих друг за другом битвах фактически стёрло с лица земли объединённое войско Польши, Чехии, Венгрии и Литвы.

Впрочем, на этот раз Фридрих был щедр и милосерден – за символическую плату он отпустил

представителей венгерского дворянства, в то время как католический клир вздёрнул на воротах Буды, прямо над манифестами против папы римского, возвещающими о победе протестантства.

Высшую аристократию же он ободрал до нитки и лишь затем отпустил восвояси. Вырученные от конфискации имущества католической церкви деньги, а также безумные суммы с выкупов, он направил на восстановление чахнувшей под пятой Вацлава II Венгрии.

С Вацлавом II же он заключил мир, которым принудил того не только к передаче короны Венгрии Фридриху, но и к протекторату Эйсена над Чехией и военному союзу Польши с Эйсеном. Через месяц военный союз Эйсена с Польшей был расширен по инициативе самого Вацлава, в результате чего Польша не просто попала в сферу влияния Эйсена, но и была интегрирована в единое экономическое пространство, также как и Чехия до этого. Разумеется, произошло это не по его доброй воле, а после небольшого намёка 5-тысячного гарнизона Фридриха в Кракове.

Впрочем, это хотя бы произошло не на столь кабальных условиях, как это произошло с Чехией, в которой номинальная независимость под патронажем Эйсена ярко контрастировала с быстрым переходом экономики Чехии в руки выходцев из Эйсена. В общем, привет от колониальных империй своему дальнему собрату из XIV века.

Хотя нам, конечно же, интереснее будет то, что сделал он немногим позже – в весьма знаменательную дату, 28 апреля, то есть, в день, когда воскрес Иисус, он объявил о создании собственной Священной Римской Империи, императором которой он же и стал. Впрочем, эта Империя была гораздо более прогрессивна и была лишена главного недостатка своего «предшественника» – феодальной раздробленности и вытекающей из этого слабой центральной власти. Впрочем, у неё был и свой недостаток – в ней было уж больно много национальных меньшинств (в отличие от практически моноэтнической Священной Римской Империи германской нации, где, как ни странно, было засилье немцев).

Культурное разнообразие в ней, конечно, будь здоров. Причина этого не сложна – включение Польши, Чехии и Венгрии в состав Империи на правах автономных королевств в составе федеративного союза привело к тому, что население практически моноэтнических Эйсена и Далмации составило собой немецкое национальное меньшинство (порядка 40% населения Империи).

Впрочем, продолжалась эта прелюдия к австрийской трагедии не долго – уже на следующий день Фридрих вторгся в Австрию во главе с 70-тысячным войском. Разбив сторонников одного из трёх враждующих между собой регентов, фаворита в борьбе за власть, он вошёл в Вену без какого-либо сопротивления. Население города уже устало от политических неурядиц, устраиваемых жадными до власти аристократами, и именно поэтому без колебаний открыло ворота в хорошо укреплённый город, надеясь, к тому же, на милосердие Фридриха.

Вступив в Вену, он принудил императора отречься от своего титула под предлогом дальнейшего ухудшения его болезни. Приставив к нему лучших врачей и лекарей, услуги которых он сам же и оплатил, он продемонстрировал свою «доброту». Затем, не теряя времени,

он созвал коллегия выборщиков, чтобы назначить нового императора.

После долгих дебатов и споров он всё же был выбран - им стал сам Фридрих, единственный человек, способный навести порядок в Империи. Став императором Священной Римской Империи, он созвал гофтаг, надворный совет, где объявил о входе Империи, правового наследника Эйсена, в Священную Римскую Империю германской нации, причём на правах курфюрста.

Думаю, не стоит пояснять, что это бред по определению - «как одна империя может войти в другую? Да и что это за бред - у вас один единственный курфюрст размером с всю остальную Империю, а его силы в разы превышают те, что есть у всех остальных князей вместе взятых. Его земли не дробятся, то есть, наследуются одним человеком в полном объёме. Как это вообще можно осмыслить?» - сказали члены гофтага, решив, что это какая-то очень тонкая шутка от императора, намекающая на его просто колоссальный объём сил.

Однако нет - на этот раз Фридрих, короновавшийся как император Максимилиан I, сказал следующее «Выход королевства Эйсен из состава Священной Римской Империи германской нации не является легитимным, так как это запрещено её законами. Таким образом, Священная Римская Империя, как правовой наследник королевства Эйсен, всё ещё является частью империи на правах курфюрста», и был, мать его, прав.

Да-да, ДА! Это очередная правовая коллизия. Очевидно, столь крупное государство не может быть членом Священной Римской Империи германской нации, так как оно, очевидно, просто подомнёт под себя всех остальных, чего явно не желают князи, привыкшие к фактической политической самостоятельности.

Впрочем, и не быть им оно не может, потому что оно никогда и не выходило из состава Империи с правовой точки зрения. Ну и что, что теперь это государство размером с всю остальную империю вместе взятую - разве это означает её автоматический выход из империи, даже несмотря на фактическое безучастие в делах империи на протяжении нескольких месяцев.

Проблема, грозившая очередным конфликтом между князьями и императором, решилась довольно просто - созывом Рейхстага, ставшего, по сути, верховным законодательным органом Священной Римской Империи германской нации. На нём были обозначены новые границы Империи, включавшие в себя территорию недавно созданной Империи. Хитрость Фридриха заключалась в том, что в состав Рейхстага первого созыва он всеми правдами и неправдами включил тех, кто был готов продвигать его повестку, или уже делал это другими способами. Самое забавное в этом то, что новая Империя занимает территорию размером примерно в 1/5 от размеров самой Европы, а её население при этом составляет примерно половину населения всей Европы. Не то чтобы Священная Римская Империя германской нации и раньше не была гигантом, фактически крупнейшим государственным образованием во всей Европе, но теперь это попросту монстр, гегемон всей Европы, и что самое страшное - он продолжает усиливаться.

Благодаря чему? Ну, если вкратце - Священная Римская Империя под давлением другого

монстра, но уже внутри себя, приняла облик, характерный именно для этого монстра, а так как этим монстром оказался европейский гегемон под названием Империя, бывшая ранее королевством Эйсен, то и развиваться Империя стала по пути, уже пройденному Эйсеном.

Очень быстро в Империи под давлением её главного участника и спасителя появилась система общих судов, подобная эйсенской, система земельного оборота, также подобная той, что имела место в Эйсене, единый верховный законодательный орган, прообразом которого был Верховный суд Эйсена, единые вооружённые силы Империи, костяком которых стала военная машина Фридриха.

В общем, Священная Римская Империя стала одним большим Эйсеном. Главной религией и идеологией новой, капиталистической Империи, стал протестантизм в лице Эйсенской протестантской церкви, пускай с точки зрения закона в империи и была объявлена религиозная терпимость.

Впрочем, стоит также упомянуть, что целых два года, с 1342 по 1345 Фридрих потратил на умирание недовольных, пока в 1344 не разбил их окончательно.

Тем временем, наступало уже рождество 1346 года в Империи, ставшей настоящим, централизованным и современным государством, с сильной армией и мощной экономикой.

Разумеется, к этому моменту жадные до новых рынков капиталисты требовали дальнейшего развития экспансии, которая была отложена появлением Её Величества Чёрной смерти...

<http://tl.rulate.ru/book/66483/1817916>